

ИЗ ЦЕНЗУРНОЙ ИСТОРИИ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Публикация Ю. Красовского

«Воспоминания» Н. А. Белоголового сохранили нам следующие слова Некрасова: «Вот оно наше ремесло литератора... Когда я начал свою литературную деятельность и написал свою первую вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор тридцать семь лет, и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами»¹.

Эти горькие слова были сказаны Некрасовым незадолго до смерти и относятся к последнему эпизоду его напряженной многолетней борьбы с царской цензурой.

Осенью 1876 г. Некрасов написал «Пир на весь мир» — четвертую часть «Кому на Руси жить хорошо». Как известно, уже первые части поэмы вызвали пристальное и недоброжелательное внимание цензуры. И когда корректурные листы ноябрьской книжки «Отечественных Записок» с текстом «Пира на весь мир» попали в цензуру — она зашевелилась. Старший цензурный «одеку» «Отечественных Записок», цензор С.-Петербургского цензурного комитета А. Лебедев, тотчас же сочинил обширную докладную записку в Главное управление по делам печати, в которой писал, что в своем новом произведении Некрасов выставил «в самых мрачных красках всевозможные страдания мужика, весь ужас прежнего рабского его положения и весь безграничный произвол помещичьего права». Подвергнув придирчивому разбору каждую строчку поэта, цензор так заканчивал свою записку: «Находя все стихотворение „Пир на весь мир“ крайне вредным по своему содержанию, так как оно может возбудить неприязненные чувства между двумя сословиями, и что оно особенно оскорбительно дворянству, столь недавно пользовавшемуся помещичьими правами, цензор полагает ноябрьскую книжку „Отечественных Записок“ на основании закона 7 июля 1872 года подвергнуть аресту»².

Книжка журнала арестована не была, но «Пир на весь мир» был из нее вырезан. Не только большой Некрасов, уже не имевший возможности быть в курсе всех дел по журналу, но и, как это ни странно, Салтыков-Щедрин, непосредственно руководивший в это время «Отечественными Записками», считали, что изъятие «Пира на весь мир» произошло по прямому формальному требованию цензуры. Но из публикуемых ниже документов видно, что инициативу тут проявил сам «ответственный редактор» и собственник журнала — Краевский, видимо, тщательно скрывший свой трусливый поступок и от Некрасова и от Салтыкова-Щедрина. Изъятие поэмы было тяжело воспринято Некрасовым и его друзьями: «Пир на весь мир» был одним из наиболее зрелых и любимых произведений поэта. И этот удар был нанесен ему, когда силы уже оставляли его и дни его были сочтены.

Салтыков-Щедрин писал по этому поводу Анненкову: «Месяц тому назад возвратился сюда Некрасов из Крыма. Не просто больной, а безнадежно... Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №. Можете сами представить себе, какое впечатление должен был произвести этот храбрый поступок на умирающего человека»³.

Но Некрасов не хотел сдаваться. Он решил бороться и отстоять свою поэму. Как это происходило, рассказывает в одной из своих мемуарных «заметок» А. А. Буткевич: «„Пир“, — пишет она, — напечатанный уже в „Отечественных Записках“, был, по распоряжению председателя Цензурного Комитета, Григорьева, вырезан.

Я помню канун этого дня. Когда № „Отчественныхъ Записокъ“ был арестован в типографии за стихотворение Некрасова, брат послал за цензором Петровым и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападок. Он указывал на множество мест в предшествовавших частях той же поэмы, которые, с точки зрения цензоров, скорее могли бы были подвергнуться запрещению; разъяснял ему чуть не каждую строчку в новой поэме, то подсмеиваясь над ним ядовито, то жестоко пробирая и его и всю клику. Петров выслушивал все упреки терпеливо. Понимал ли он всю скорбь поэта, которому заботливая цензура — в напуганности его в вечность — в последний раз залезала в мозг со своими адскими ножницами, чтобы очистить мысли от „кануцера“—или просто томился бесплодностью прений, зная наперед, что „хоть ты сейчас умри, а мы все-таки не пропустим“. Петров пыхтел, сопел и отирал пот с лица, как после жаркой бани, и только по временам мычал отрывистые фразы: „да успокойтесь, Н. А.“ или „вот поправитесь, переделаете — тогда и пройдет“⁴.

Из этого свидания ничего не вышло. Петров не поддавался никаким уговорам.

Но Некрасов продолжал надеяться. Он проектировал поместить свою поэму в декабрьской книжке «Отечеств. Записок», потом в январской за 1877 г. Он возлагал надежды на начальника Главного управления по делам печати Григорьева, который, по словам Пыпина, просил передать Некрасову, что он якобы считает поэму «совершенно возможной». Некрасов был убежден, что все это «подстроено» Петровым, опасавшимся за свое служебное положение⁵.

С целью спасения всей поэмы поэт готов был пойти на некоторый компромисс: изъять ряд наиболее «резких» мест. Известно письмо Некрасова к Григорьеву, написанное им в декабре 1876 г. В нем он просил «ускорить решение по этому делу» и указывал, что он «принес некоторые жертвы цензору Лебедеву и исключил солдата и две песни, но выкинуть историю о Якове, как он требовал под угрозой ареста книги журналу, не могу — поэма лишится смысла»⁶.

Однако все было напрасно. Некрасов столкнулся с единым фронтом всех звеньев цензурной системы: высшего — Григорьева, среднего — Петрова, и низшего — Лебедева. Все они объединились в общем страхе перед одним из наиболее революционных произведений умиравшего поэта. Заодно с ними был и собственник журнала Краевский. Действительно, прав был Щедрин, писавший в уже цитированном письме, что «все было так исполнено ненависти и угроз, что трудно даже издали подступиться».

Некрасову так и не суждено было увидеть в печати свое последнее крупное творение. Лишь через три года после смерти поэта, Щедрин, воспользовавшись наступившей эрой «диктатуры сердца», снова сделал попытку напечатать поэму. На этот раз тот же самый Петров, приспособляясь к кратковременному курсу правительственного «либерализма», не возражал, и «Пир на весь мир» был, наконец, напечатан в февральской книжке «Отечественныхъ Записок» за 1881 г., однако в сильно исковерканном виде (были выброшены песни «Веселая», «Барщинная», «Солдатская» и др.).

В публикуемых ниже документах — двух донесениях председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву, целиком посвященных вопросу запрещения некрасовской поэмы, — дана подробная картина закулисной стороны этого дела. Сообщаемые в документах факты вносят немало нового в историю последней схватки Некрасова с цензурой. Необходимо отметить три любопытных момента, имеющих в донесениях: 1) подчеркнуто положительную характеристику Петровым предупредительной угодливости Краевского по отношению к требованиям и даже настроениям цензурных властей, выразившуюся в проявленной Краевским инициативе изъятия некрасовской поэмы «Пир на весь мир»; 2) констатирование факта широкого «подпольного» распространения изъятых поэмы в списках и, наконец, 3) попытку Некрасова найти еще один путь спасения «Пира на весь мир» — обращение к помощи лейб-медика С. П. Боткина, с одной стороны (ему была посвящена поэма), и к министру двора гр. А. В. Адлербергу⁷, с другой; об этих попытках до сих пор ничего не было известно.

Документы публикуются по подлинникам, хранящимся в ЦГЛА (Ф. 159, № 69).

ДВА ДОНЕСЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА А. Г. ПЕТРОВА
НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ
В. В. ГРИГОРЬЕВУ

⟨1⟩

⟨20 ноября 1876 г.⟩

Честь имею довести до сведения Вашего превосходительства, что стихотворение Некрасова «Пир на весь мир», которое, вследствие изображенных в нем возмутительных сцен крепостного права, мученичества

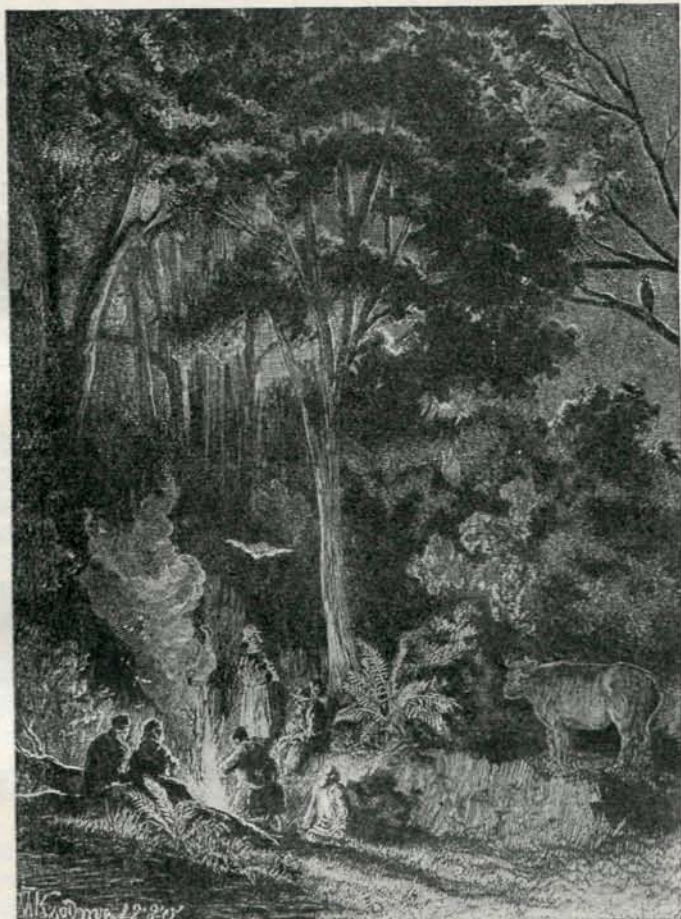

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

Рисунок М. П. Клодта в книге: «Некрасов. Русским детям», издание А. А. Буткевич, 1881 г.

русского солдата и вообще народного безысходного горя, до такой степени смущало цензуру, что мы готовились войти с представлением об аресте ноябрьской книжки, — это стихотворение исключено самой редакцией и заменено отрывком из записок барона Андрея Розена⁸. Как этот отрывок, так и все остальные статьи ноябрьской книжки не подают повода ни к каким цензурным замечаниям.

А. Петров

Ноября 20 дня 1876 г.

<2>

<18 февраля 1877 г.>

Честь имею довести до сведения Вашего превосходительства, что я виделся с Краевским и говорил ему о дошедшем слухе, что стихотворение Некрасова «Пир на весь мир», по собственному усмотрению Краевского, как редактора, исключенное из ноябрьской книжки 1876 г. «Отечественных Записок», ходит по городу. Он объявил мне, что и до него дошел этот слух, но что стихотворение это распространяется в рукописных списках. Вырезанные же из ноябрьской книжки «Отечественных Записок» экземпляры все хранятся в целости под замком в типографии, что подтвердил призванный им при мне фактор типографии. У Краевского есть экземпляр корректурных листов; может быть, есть несколько экземпляров корректурных листов у Некрасова (не более 10), остальные же 8100 экземпляров вырезок целы в типографии⁹. Краевский предлагает их сжечь. Чтобы это не было исполнено келейно, я могу командировать к присутствию при этом помощника секретаря комитета.

Извольте, Ваше превосходительство, принять во внимание и, если нужно, заявить кому следует, что стихотворение вынута было из книжки и заменено статьей барона Розена не по требованию комитета, признавшего стихи запрещенными, а по усмотрению самого редактора. Уничтожение экземпляров при посредстве полиции употреблялось доселе в тех случаях, когда книга или статья уничтожались по приговору суда, комитета министров или нашим ведомством признаны были подлежащими запрещению и когда с этой целью была арестована книжка надлежащей властью, а эта книжка арестована не была.

Краевский и на сей раз (как он утверждает и как мы будем иметь случай поверить) не обманул доверие, потому что очень хорошо знает, что за выпуск в свет статьи, не помещенной в представленных<1> экземплярах журнала, представленных<1> комитету, может полатиться типография, хотя бы статья и не была преступной. Краевский сообщил мне, что Некрасов намерен один из оставшихся у него корректурных листов статьи сообщить графу Адлербергу для доклада Государю Императору с жалобой на стеснение цензуры.

Он полагает при сем на заступничество Государыни Императрицы, которая при посредстве лейб-медика Боткина изволила ознакомиться с содержанием стихотворения и весьма его одобрила.

А. П е т р о в

Февраля 18-го дня 1877 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Н. Белоголовый. Воспоминания. М., 1898, 387.

² В. Е. Евгеньев-Максимов. В руках у палачей слова. — «Голос Минувшего», 1918, IV—VI, 98.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., М., 1939, XIX, 82 (письмо 25. XI. 1876 г.).

⁴ Из дневников и воспоминаний А. А. Буткевич. — «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 174.

⁵ Из записной книжки А. Н. Пыпина. — «Совр.», 1913, I, 230.

⁶ Н. Некрасов, V, 579.

⁷ Граф Александр Владимирович Адлерберг (1818—1888) — министр императорского двора с 1872 г.

⁸ Барон Андрей Евгеньевич Розен (1800—1884) — декабрист. Его известные «Записки» печатались в «О. З.», 1876, II—XI.

⁹ Один из экземпляров этих листов сохранился и хранится ныне в ИЛИ АН СССР. Воспроизведение см. «Лит. Наследство», т. 49—50, стр. 193.